

Among the pianists who have performed during this time are Mr. Orlov, who has already given three concerts and is announcing a fourth - the zeal with which the gifted artist updates his programs is very commendable; Igumnov, who excellently performed a number of works that have already been previously known to the public in his interpretation; Meichik, among other things, who played Scriabin's fifth sonata and Tchaikovsky's sonata, and Rachmaninoff, who gave two concerts - the first (November 16) of his own works, and the second of Scriabin's works. I don't like Rachmaninoff's Second Sonata; nothing in it touches or captivates me, but one cannot help but listen with interest when the composer himself performs it. My God! How well Rachmaninoff plays his works! One has to speak of the technical perfection of such a rendering, but it is not only perfection, but something superhumanly beautiful. And this completeness gives the composer the opportunity to reveal his ideas with unprecedented power and clarity. Each phrase appears with the convexity of a high relief, all parts of which are fused into a single whole by creative imagination. "The beautiful must be majestic"; This grandeur is not easy to achieve for a virtuoso artist, but Rachmaninoff seemed to be floating on the clouds in every second of his performance. The atmosphere of Olympus emanates from his performance, but is it easy to ascend to the seat of the gods? And our audience learned the value of Rachmaninoff's performances, snatching up all the tickets early. So it was this time too. The audience greeted and saw off the artist warmly, even ardently, attentively listening to his performance. Rachmaninoff's performance of Scriabin's works was greeted with particular attention, and the public was generous with its thanks, although it sensed very well that not all was well here. Rachmaninoff played with his usual technical perfection, incredible plasticity, and a musicality unique to him. But in approaching Scriabin's work, Rachmaninoff failed to grasp (or did not want to grasp??) the fundamental element of this music. I am speaking here of the unprecedented emotional richness of Scriabin's work. A revolutionary in the realm of harmonic contemplation, an infinitely sincere poet thirsting for expression, Scriabin did not want and could not break with the shell of form. But this latter was only the starting point for an unbridled flight of fantasy... Rachmaninoff, honouring the formal element in art, emphasized it in Scriabin's work. And this work "landed," to use a modern term. Moreover, as if searching for the logic of harmonic structure in Scriabin, Rachmaninoff artificially concentrated the tempos. True, this created a surprising clarity of the harmonic line, but... the spirit is a living thing, yet it is gone!.. Those pieces where Scriabin is closer in spirit to Rachmaninoff, where, as in the preludes op. 11, the lyrical vein of Scriabin's work is clear, and Rachmaninoff was much superior to his performance of Scriabin's later works. And one had to see how the admirers of Rachmaninoff's piano work looked at each other with disappointment, listening to the neutralized and prosaic rendering of the "Satanic Poem" or the academically cold interpretation of the second and fifth sonatas... One must put up with such a breakdown, for the great artist wanted, sincerely wanted to enter the world of another artist, but it is a shame that even for such a talent as Rachmaninoff's there is a limit, "you shall not pass him"... Gr. Prokofiev.

[Translation: Google]

Изъ піанистовъ за это время успѣли вы-ступить г.г. Орловъ, давшій уже три кон-церта и объявившій четвертый - очень по-хвально то рвеніе, съ которымъ даровитый артистъ освѣжаетъ свои программы; Игумновъ, отлично исполнившій рядъ произведе-ній, уже раньше извѣстныхъ публикѣ въ его интерпретаціи; Мейчикъ, между прочимъ, сы-

гравшій пятую сонату Скрябина и сонату Чайковского, и Рахманиновъ, давшій два концерта - первый (16 ноября) изъ собственныхъ произведеній, а второй — изъ произведеній Скрябина. Я не люблю вторую сонату Рахманинова, въ ней меня ничто не трогаетъ и не увлекаетъ, но ее нельзя не слушать съ интересомъ, когда самъ авторъ исполняетъ эту сонату. Боже мой! до чего хорошо играетъ Рахманиновъ свои произведенія! При-ходится говорить о техническомъ совершенствѣ такой передачи, но вѣдь это не совершенство только, а нѣчто сверхъ-человѣчески прекрасное. И эта законченность, она даетъ композитору возможность выявить свои замыслы съ невиданной силой и рельефностью. Каждая фраза выступаетъ съ выпуклостью горельефа, всѣ части котораго творческой фантазіей слиты въ единое цѣлое. «Прекрасное должно быть величавымъ»; этой величавости не легко достигнуть артистувиртуозу, а Рахманиновъ въ каждую секунду своего исполненія словно паритъ на облакахъ. Спокойствіемъ Олимпа вѣетъ отъ его исполненія, а легко-ли подняться къ мѣстожителю боговъ? И публика наша научилась цѣнить Рахманиновскія выступленія, задолго расхватывая всѣ билеты. Такъ было и на этотъ разъ. Тепло, даже горячо аудиторія встрѣчала и провожала артиста-художника, чутко внимая его исполненію. Выступленіе Рахманинова съ произведеніями Скрябина было встрѣчено особенно внимательно, и публика не скупилась на знаки благодарности, хотя она отлично чуяла, что здѣсь не все благополучно. Рахманиновъ игралъ съ обычнымъ техническимъ совершенствомъ, невѣроятно пластично и съ ему одному свойственной музыкальностью. Но подходя къ творчеству Скрябина, Рахманиновъ не схватилъ (или не захотѣлъ схватить??) основную стихію этой музыки. Я говорю здѣсь о неслыханной эмоциональной насыщенности Скрябинскаго творчества. Революціонеръ въ сферѣ гармоническаго созерцанія, безконечно искренній и алкающій выразительности поэтъ, Скрябинъ не хотѣлъ и не могъ порвать съ оболочкой формы. Но эта послѣдняя была лишь отправная точка для безудержнаго полета фантазіи... Рахманиновъ, чья въ искусствѣ элементъ формальный, его-то и подчеркивалъ въ творествѣ Скрябина. И это творчество «приземлилось», говоря современнымъ терминомъ. Кромѣ того, словно ища логику терминомъ. Кромѣ того, словно ища логику гармонической структуры у Скрябина, Рахманиновъ искусственно сгущалъ темпы. Правда, это создавало удивительную ясность гармонической линіи, но... духъ живъ, его-то и не стало!.. Тѣ піесы, гдѣ Скрябинъ по духу ближе Рахманинову, гдѣ, какъ въ прелюдіяхъ ор. 11, ясна лирическая жилка скрябинскаго творчества, и Рахманиновъ былъ много выше своего исполненія болѣе позднихъ созданій Скрябина. И надо было увидѣть, какъ разочарованно глядѣли другъ на друга почитатели фортепіаннаго творчества Рахманинова, слушая обезвреженную и прозаичную передачу «Сатанической поэмы» или академически холодную трактовку сонатъ второй и пятой... Съ такимъ срывомъ нужно мириться, ибо огромный художникъ хотѣлъ, искренно хотѣлъ войти въ міръ иного художника, но обидно, что и для такого дарованія, какъ Рахманиновское, есть предѣлъ, «его же не преjdeши»... Гр. Прокофьевъ.